

ОЧЕРКИ

НИЗОВЬЕВЪ СЫРЬ-ДАРЬИ И ПРИ-АРАЛЬСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ походныхъ записокъ 1853 г.)

Страны прилежащія съ востока къ Аральскому Морю вообще малоизвѣстны; но особенно скудны свѣдѣнія наши о Гидрографіи *Сырѣ-Дары* и *Аму-Дары* главныхъ рѣкъ западнаго склона средне-азійской равнины, которыхъ будущее значеніе для Россіи можетъ быть весьма важно. Имѣя случай участвовать, прошедшимъ лѣтомъ, въ первомъ плаваніи по Сырѣ-Дарѣ, и пройдя по этой рѣкѣ болѣе 600 верстъ вверхъ отъ ея устья, я собралъ нѣсколько свѣдѣній относящихся до гидрографіи тѣхъ странъ. Замѣтки мои коротки и неполны, но, принимая въ соображеніе малоизвѣстность края, полагаю, что и они могутъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Въ половинѣ Апрѣля 1853 года я пріѣхалъ въ Оренбургъ. Все было уже готово, для дальнаго путешествія, дѣлались окончательныя распоряженія, чтобы двинуться въ степь. — Я не буду входить въ подробности объ Оренбургѣ и его окрестностяхъ; всѣ эти мѣста довольно извѣстны. Ограничусь краткимъ обзоромъ тѣхъ странъ, по которымъ предстоялъ намъ длинный и утомительный путь.

Обширные степные пространства, населенные кочующими племенами Киргизъ-Кайсаковъ, ограничены съ сѣвера линіями нашихъ укрѣпленій : Уральскою , Оренбургскою и Сибирскою; съ запада Каспійскимъ Моремъ, а съ востока Китайскимъ Туркестаномъ, отдѣленнымъ линіею китайскихъ фортовъ и горами Ала-тау (пестрыя горы). На югѣ, степи далеко переходятъ за границы Хивы и Бухары, и соединяются съ пустынями Персіи и Афганистана, отдѣляясь отъ бассейна Инда горами Гинду-Кумъ. Общій характеръ этихъ странъ: жаркое лѣто и, относительно, суровая зима; ровная или волнистая мѣстность, солонцоватая почва, бѣдная растительностію, еще болѣе бѣдная лѣсомъ, съ рѣками маловодными, множествомъ соленыхъ озеръ и грязей. Въ частностяхъ конечно есть большая разница и въ климатѣ, и въ свойствахъ мѣстности.

На сѣверѣ, близъ Оренбургской и Сибирской линій, по бассейнамъ Урала, Иртыша и Эмбы, обиліе водъ и тучныя пастбища, изрѣдка даже лѣсъ; въ средней части—около Аральскаго Моря, песчаныя и солонцоватыя степи оставляютъ только узкія полосы луговъ въ долинахъ Сыра и Аму-Дарьи. Низовья Аму-Дарьи заняты Оазисомъ Хивинскимъ; по средней и нижней Сыръ-Дарьѣ кочуютъ орды Киргизовъ подданныхъ Россіи.

Въ административномъ отношеніи Киргизская Степь дѣлится на два управленія: Сибирское и Оренбургское; границы ихъ: на сѣверѣ Крѣпостца Звѣриноголовская, близъ Троицка, на югѣ, устье р. Сары-су около $82\frac{1}{2}^{\circ}$ долготы. Аральское Море и теченіе Сыръ-Дарьи, составляютъ важнѣйшую часть южныхъ предѣловъ Оренбургской Степи. Прилегая къ Хивѣ, Бухарѣ и Кокану, тремъ владѣніямъ, съ которыми производится наша мѣновая торговля чрезъ Оренбургъ и Троицкъ, Сыръ пересѣкаетъ всѣ караванные пути, ведущіе изъ центральной Азіи на линію чрезъ Бухару и Коканъ.

Апрѣля 25-го, рано утромъ, стали переправляться на лѣвый берегъ Урала на паромахъ и дощаникахъ. Рѣка была въ полномъ разливѣ, ширина ея, на мѣстѣ переправы противъ мѣноваго двора,

была тогда около полутора саженъ. Въ 9 часовъ утра, послѣ молебствія, мы двинулись въ путь, простившись съ Оренбургомъ, многіе — надолго, нѣкоторые — навсегда.

Первые дни похода прошли скоро; желаніе поскорѣе и лучше устроить свой походный комфортъ, самая новостъ положенія и необыкновенный для многихъ способъ путешествія въ степи, все это дѣлало незамѣтными и длинные переходы, и тридцати-градусный солнечный жаръ.

Апрѣля 28-го пришли мы къ Караванному Озеру, лежащему верстахъ въ сорока къ востоку отъ Илецкой Защиты, въ долину рѣки Илека; здѣсь была назначена дневка.

Дальнѣйшій путь нашъ лежалъ вдоль праваго берега Илека. Рѣка эта, одна изъ лучшимъ степныхъ рѣкъ, выходитъ изъ западнаго склона Мугоджарскихъ Горъ, течетъ вообще на сѣверозападъ, и впадаетъ въ Уралъ верстъ за тридцать недоходя Илецкой Защиты; она многоводнѣе бѣльшей части степныхъ рѣкъ, и лѣтомъ не пересыхаетъ; ея вода вкусна и чиста. Долины Илека устѣяны зимовьями киргизовъ, которыхъ много кочуетъ тутъ и лѣтомъ, особенно по низовьямъ рѣки.

3-го Мая, мы остановились на берегу Илека недалеко отъ устья р. Тангры-Бергенъ. Здѣсь упираются въ Илекъ съ сѣвера отрасли Губерлинскихъ Горъ; долина ея суживается, и дорога переходитъ на лѣвый берегъ. Переправа въ бродъ около трехъ верстъ выше устья упомянутой рѣчки; глубина брода до четырехъ футовъ, теченіе около узла, при твердомъ песчанномъ грунтѣ.

На другой день пошли мы дальше. Но пора сказать нѣсколько словъ о нашемъ походѣ.

Степное путешествіе не отличается разнообразіемъ: на разсвѣтѣ, поднимаютъ насъ съ ночлега; черезъ полчаса лошади заложены и осѣдланы, верблюды навьючены, караванъ трогается съ мѣста и ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ идетъ безъ остановки отъ 20 до 30

версть. Такимъ образомъ подвигались мы версты по четыре въ часъ, верблюды же — около шести.

Мая 5-го, противъ горы Каратюбя (выс. до 250 ф.), переправились опять на правый берегъ Илека, по мелкому броду. Послѣ дневки у этой переправы, далѣе шли вдоль рѣчекъ Якши и Яманъ-Каргалы; эта часть степнаго пути была лучшая во многихъ отношеніяхъ: зеленая долина между высокими крутыми холмами, живописно-разнообразными; берега рѣчекъ поросшіе ольхой и тальникомъ, рѣдкость въ тѣхъ странахъ чистая холодная вода, — такія блага, которымъ только въ степи узнаешь цѣну, и съ которыми надобно было на долго разстаться.

Мая 9-го перешли мы, по отлогой покатости, водораздѣлъ между бассейнами Илека и Ори, а 12-го переправились чрезъ послѣднюю въ бродъ, верстахъ въ двухъ выше устья рѣчки Уйсулъ-Кары. 13-го прошли водораздѣлъ Ори и Иргиза, и на слѣдующій день расположились на дневку возлѣ Форта Карабутака, лежащаго на рѣчкѣ того же имени, въ 428 верстахъ къ юго-востоку отъ Оренбурга. — Этотъ фортъ выстроенъ на крутой скалѣ у самой рѣчки; онъ служитъ какъ бы станціей на дорогѣ къ Сыръ-Дарьѣ. Здѣсь соединяются степныя дороги изъ Оренбурга и Орской Крѣпости. Окрестности вообще холмисты, въ горахъ находится много яшмы. Характеръ степи между Оренбургомъ и Карабутакомъ ничемъ не отличается отъ степныхъ частей Самарской и Оренбургской губерній: тотъ же климатъ, та же волнистая мѣстность, пересѣкаемая довольно часто рѣчками, берега которыхъ кое гдѣ поросли тальникомъ, а изрѣдка и большими деревьями изъ породы явѣ или тополей, какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Илеку. Изобиліе кормовыхъ травъ и воды дѣлаетъ этотъ путь довольно удобнымъ для переѣзда, не смотря на частые и крутые овраги и рѣчки, съ трудными иногда переправами.

Весна самое благопріятное время для путешествія въ этихъ странахъ: степи зеленѣютъ молодой и сочной травой, рѣки и рѣчки

полноводны; знойное солнце не успѣло еще сожечь первыхъ, и изсушить послѣднихъ; не то встрѣтили мы на обратномъ пути.

Сильные жары провожавшіе насъ въ первые дни пути, скоро замѣнились дождями и холодными NW и сѣвернымъ вѣтромъ; съ небольшими промежутками, такая погода продолжалась почти до половины Мая. По ночамъ иногда были заморозки.

Я ни слова не сказалъ еще о киргизахъ, которыхъ мало встрѣчалось на дорогѣ. — Большая часть орды кочуетъ въ это время около линіи; за то на обратномъ пути мы достаточно узнали киргизскій бытъ. Не желаю утомлять читателя этнографическими описаніями потому, что мои короткія замѣтки ничего не прибавятъ къ свѣдѣніямъ о народѣ довольно извѣстномъ изъ сочиненій: Рычкова, Левшина, Мейендорфа, Небольсина и другихъ.

И такъ двинемся далѣе: за Карабутакомъ степь начинаетъ измѣняться, луга по немногу рѣдѣютъ; чаще встрѣчаются солонцы, растительность бѣднѣетъ еще болѣе; по всему видно, что близка настоящая безплодная пустыня.

Отъ Карабутака дорога идетъ по долинѣ Иргиза, пересѣкая нѣсколько его притоковъ, ничтожныхъ полувисохшихъ рѣчекъ солончатой воды; мѣстность вообще ровная, около рѣчекъ много каменныхъ скалъ; часто эти скалы состоятъ изъ аспида. — За Иргомъ, на лѣвый берегъ котораго перешли мы въ бродъ (по колѣно) 19-го Мая, степь нѣсколько лучше; дорога идетъ по озеркамъ часто соленымъ; эти озера можно отличить по отсутствію зелени на берегахъ; говорятъ впрочемъ, что и на соленыхъ озерахъ растетъ иногда камышъ, но мнѣ этого не случилось замѣтить. Здѣсь опять встрѣтили насъ холода: въ теченіе трехъ дней термометръ не поднимался въ тѣни выше -14° R, а ночью почти замерзло; 19-го, при сильномъ NO-тѣ шелъ даже небольшой снѣжокъ.

Мая 22-го караванъ нашъ расположился дневать на лѣвомъ берегу Иргиза, въ 12 верстахъ выше Уральскаго Укрѣпленія, отстоящаго на 200 верстѣ къ Юго-востоку отъ Карабутака.

Каждый изъ насъ спѣшилъ воспользоваться временемъ для отдыха, и для возобновленія своихъ походныхъ запасовъ, на предстоящую труднѣйшую часть перехода.

За Иргизомъ степь принимаетъ видъ настоящей пустыни; уже на первомъ переходѣ простились мы съ ковыльными лугами; ихъ замѣнила тощая, хотя и душистая, полынь; земля во многихъ мѣстахъ бѣлѣла отъ осадковъ соли; озеръ, даже большихъ, встрѣчалось много; но эти озера! нѣсколько вершковъ глубины, желтой солноватой и теплой воды. Появилось множество насѣкомыхъ, фаланги и тарантулы не замедлили дать знать о своемъ присутствіи. Самая погода измѣнила намъ: начались жары не шуточные; термометръ и ночью не опускался ниже $+18^{\circ}$ R; днемъ же удушливый южный вѣтеръ, вмѣсто прохлады наносилъ тучи мельчайшей солоноватой пыли, отъ которой сильно страдали и люди и животныя, у многихъ изъ насъ не на шутку заболѣли глаза; мои были въ постоянномъ воспаленіи. Особенно памятенъ сорока верстный переходъ 27-го Мая, по рыхлымъ кочковатымъ солонцамъ, вдоль озеръ Мельды (Мельды-Куль). Почти съ десяти часовъ утра солнце палило насъ сорока градуснымъ жаромъ, а крѣпкій SO еще больше усиливалъ зной — столбами пыли.

28-го, дневали мы на рѣчкѣ Джаловлы, а на другой день простились съ солонцами, для того чтобы промѣнять ихъ на пески: одно другаго стоило!

Отъ рѣчки Джаловлы и до самой Сыръ-Дарьи нѣтъ ни капли проточной воды; караваны пользуются водою изъ колодцевъ, мѣста которыхъ съ давнихъ временъ извѣстны Киргизамъ. — Вода священная вещь для степного номада; по этому колодцы вообще берегутъ, и даже иногда очищаютъ отъ песку, которымъ заносить ихъ довольно часто.

Песчаная степь Кара-Кумъ (черные пески) простирается на всемъ пространствѣ между Иргизомъ и Сыръ-Дарьей, ограничиваясь съ запада отчасти Аральскимъ Моремъ, а съ востока безводны-

ми горами Кивокъ, и сѣвѣрнѣ ихъ рядомъ большихъ отчасти соленыхъ озеръ. — Мѣста покрытые сыпучими песками вообще холмисты, и поросли рѣдкимъ небольшимъ кустарникомъ; на окраинахъ песковъ почва тверже и часто смѣшана съ глиною: тутъ растительность, относительно говоря богаче; кусты *Джангыла* или гребенщика и *Джюзгуна* пріятно разнообразяють мѣстность, заставляя забывать, хотя на минуту, что находишься въ пустынѣ.

Таково первое впечатлѣніе при вступленіи въ Кара-Кумы. Скоро однакожъ пріятности песчаныхъ ландшафтовъ совершенно исчезли; вѣтры, постоянные спутники наши почти съ выхода изъ Оренбурга, въ это время какъ будто удвоили свою силу, подымая безпрестанно мелкую песчанную пыль, проникавшую не только въ платье наше, но даже въ плотно-запертые сундуки и чемоданы. Особенно мучительны были стоянки: невыносимый зной заставлялъ держать открытымъ низы джулаемеекъ (*) и тучи песку врывались всюду.

Дорога отъ Иргиза на Сыръ-Дарью тянется по западной окраинѣ песковъ, поэтому ночлеги приходится довольно далеко отъ колодцевъ, иногда до шести верстъ. Ближе подходить не удобно, потому что колодцы лежатъ всегда между холмами сыпучаго песку. Мая 29-го вступили мы въ Кара-Кумы, и расположились на ночлегъ верстахъ въ двухъ къ W отъ колодцевъ Терекли. — На канунъ вечеромъ, на походѣ, случилось довольно замѣчательное явленіе: послѣ дневки, въ 6 ч. пополудни, караванъ выступилъ съ рѣчки Джаловлы, чтобы сдѣлать часть 36-ти верстнаго порехода съ вечера. Дорога шла по солонцоватой почвѣ не замѣтно возвышавшейся къ Югу. Было довольно прохладно при облачномъ небѣ, и едва замѣтномъ, южномъ вѣтрѣ; около 9 ч. вечера, когда мы были уже не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста ночлега, вдругъ

(*) По Киргизски *джюломе* — войлочная круглая палатка, съ такимъ же коническимъ верхомъ.

налетѣлъ отъ SW-та шквалъ съ небольшимъ дождемъ. Вѣтеръ этотъ обдалъ насъ такимъ жаромъ, что черезъ минуту всѣ были въ сильнѣйшей испаринѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣхъ острыхъ металлическихъ оконечностяхъ и напикахъ киргизовъ, появились извѣстные Сентъ-эльмскіе огни. Этотъ горячій вѣтеръ, безпрестанно измѣняясь въ направленіи, дулъ такимъ образомъ около десяти минутъ; потомъ затихъ; вмѣстѣ съ нимъ исчезли и огни. Я очень жалѣлъ, что темнота и пыль, помѣшали замѣтить температуру воздуха по термометру, который я имѣлъ съ собою. Когда явленіе прекратилось, задулъ снова прежній прохладный S, и термометръ, чрезъ $\frac{1}{4}$ часа показалъ $+ 18^{\circ}$ Р. — Полагаю что во время шквала теплота была ни какъ не меньше $+ 40^{\circ}$ Р. — Замѣчательно, что огоньки являлись не вездѣ, но только у киргизовъ и казаковъ ѣхавшихъ впереди каравана, и то не у всѣхъ.

При переходѣ чрезъ пески первая забота о водѣ. За нѣсколько часовъ до выступленія съ ночлега посылали обыкновенно впередъ нѣсколько человѣкъ для предварительной расчистки колодцевъ. — Въ слѣдствіе такой предусмотрительности, караванъ, вообще говоря, не нуждался въ водѣ, на сколько это можно было по количеству воды въ самыхъ колодцахъ. Конечно нельзя было расходовать безъ мѣры, но, по крайней мѣрѣ, люди всегда вовремя имѣли горячую пищу, а лошади достаточно напоены. Для насъ, переходъ чрезъ пески былъ впрочемъ легче обыкновеннаго; кромѣ отличнаго по всѣмъ частямъ снабженія, караванъ имѣлъ еще ту выгоду, что не встрѣтилъ сплошныхъ жаровъ столь обыкновенныхъ здѣсь лѣтомъ; этой выгодой обязаны мы раннему выходу изъ Оренбурга; тоже обстоятельство было причиною, что въ Каракумахъ нашли мы довольно порядочный кормъ для лошадей, которыя получая въ добавокъ къ этому еще по нѣсколько гарнцевъ овса, были постоянно въ самомъ лучшемъ видѣ.

Юня 5-го увидѣли мы въ первый разъ Аральское Море—заливъ Сары-Чеганакъ. — Видъ моря на югѣ, послѣ песковъ!...

*

Нечего и говорить, что многіе изъ насъ уже съ половины перехода усакали впередъ, отъ нетерпѣнія подышать морскимъ прохладнымъ воздухомъ. Въ этотъ день вочевали мы верстахъ въ пяти отъ морскаго берега, противъ горы и могилы Акъ-Джулпасъ.

Только на послѣднемъ ночлегѣ, у Оз. Камышлы-башъ, исчезаютъ пески. Отсюда до самаго укрѣпленія голая солонцоватая степь; дорога идетъ не далеко отъ восточнаго берега озера, въ которомъ вода солоновата и почти негодна для питья; узкимъ протокомъ Оз. Камышлы-башъ соединяется съ Сыръ-Дарьей. — Въ настоящее время этотъ протокъ загражденъ плотиною, и потому вода въ озерѣ постепенно высыхаетъ. Киргизы говорятъ, что года черезъ три или четыре на днѣ озера будутъ сѣять пшеницу (*).

Юня 9-го около полудня прибыли мы въ Аральское Укрѣпленіе, сдѣлавъ около 1000 верстъ въ 45 дней; мы расположились въ полуверстѣ восточнѣе укрѣпленія, въ долинѣ, по сѣверному берегу Озера Раима.

Укрѣпленіе Раимъ, въ послѣдствіи названное Аральскимъ, построено на плоской террасѣ крутой горы, замыкающей къ югу такъ называемый Раимскій Полуостровъ.

Высота горы около двухсотъ футъ надъ уровнемъ окрестной долины, покрытой сплошнымъ камышемъ и во многихъ мѣстахъ болотистой; Сыръ-Дарья течетъ въ $1\frac{1}{2}$ верстъ отъ укрѣпленія къ югу, въ низменныхъ берегахъ покрытыхъ камышемъ и травой.

По обѣ стороны Раимскаго полуострова, озера Раимъ и Джалангачъ, отчасти поросшія камышемъ; отдаленныя столообразныя горы замыкаютъ этотъ пустынный ландшафтъ съ сѣверозапада, востока и юго-востока; къ югу, необозримое зеленое поле камышей, а вдали на горизонтѣ тѣже пустынныя горы.

(*) Подобное искусственно-естественное осушеніе часто употребляется киргизами, иногда въ большихъ размѣрахъ.

Считаю лишнимъ распространяться объ исторіи низовьевъ Сыра. Она разработана весьма подробно, и желающіе могутъ найти самыя полныя свѣденія въ разныхъ статьяхъ по этому предмету, помѣщенныхъ въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

До 1847 года долина рѣки Сыръ - Дарьи была извѣстна лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ нашихъ путешественниковъ въ Хиву и Бухару, и по нѣкоторымъ рекогносцировкамъ. Въ настоящее время большая часть степи по низовьямъ Сыра снята болѣе или менѣе подробно.

Впрочемъ самая рѣка была извѣстна въ гидрографическомъ отношеніи, только до урочища Казалы, на сто верстъ выше Райма (считая по рѣкѣ). Далѣе вверхъ до Кошъ-Кургана, знали только, что она не имѣетъ пороговъ и вообще глубока. Выше Кошъ-Кургана о самомъ руслѣ рѣки не было ни какихъ положительныхъ свѣденій.

Я воспользовался случаемъ идти вверхъ по Сыръ-Дарьѣ на пароходѣ «Перовскій», которому подъ начальствомъ Кап.-Лейтенанта Бутакова предстояла честь открыть судоходство по Сыръ-Дарьѣ—древнему *Яксарту Сейхуну* арабскихъ писателей; рѣкѣ исторической, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной въ настоящемъ, еще болѣе въ прошедшемъ.

Іюня 16-го рано утромъ пустились мы въ путь, и на другой день, около трехъ часовъ пополудни, прибыли къ урочищу Казалы, употребивъ на переходъ ста верстъ по рѣкѣ около 25 часовъ. — Довольно медленный ходъ нашъ, происходилъ какъ отъ противнаго теченія иногда болѣе трехъ узловъ, а также и отъ тяжелаго прاما на буксирѣ. Вообще средняя скорость парохода съ буксиромъ, какъ въ эти сутки, такъ и въ послѣдствіи, была отъ четырехъ до пяти верстъ въ часъ.

Берега Сыра между Раймомъ и Казалой низменны, болотисты и почти сплошь заросши комышемъ; есть однакожь и луговая мѣста, и слѣды оставленныхъ полей прорѣзанныхъ каналами, берега

послѣднихъ мѣстами поросли кустарникомъ. — Версть 25 ве до-
ходя Казалы, на лѣвомъ берегу рѣки лежатъ развалины Хивинской
крѣпостцы *Джанъ-Кала* (*); не далеко отъ нее видна роща большихъ
деревьевъ и кустовъ, это заглохшій садъ принадлежавшій къ укрѣ-
пленію; большая часть кустарника пересажена въ раимскіе ого-
роды. Упомянутая группа деревьевъ да еще два дерева отдѣльно
стоящія на правомъ берегу — вотъ вся лѣсная растительность
окрестностей Аральскаго Укрѣпленія.

Іюня 18-го, по утру, пароходъ пошелъ далѣе вверхъ по рѣкѣ, въ
этотъ день плаваніе было успѣшнѣе: мы прошли около 70 верстъ,
ночевали въ пяти верстахъ выше урочища Майлибашъ, недалеко
отъ кладбища Бердибекъ. — Долина рѣки, сначала плоская и лу-
говая, особенно съ юга, скоро сжимается песчаными холмами, оста-
вляя только небольшія закраины зелени по самому берегу. Около
десяти часовъ утра миновали переправу Учъ-Урга (верстахъ въ со-
рока по рѣкѣ выше Казалы). — Въ этомъ мѣстѣ, равно какъ и на
Майлибашѣ, переправляются черезъ рѣку бухарскія караваны, иду-
щіе на лѣнію и обратно. Впрочемъ, въ послѣднее время, перепра-
ва дѣлается чаще у Казалы гдѣ для этой цѣли имѣются казенные
барказы.

Общее направленіе Сыръ-Дарьи между урочищами Казалы и
Майлибашъ, отъ востока на западъ, вообще съ большими изви-
нами; передъ Майлибашемъ рѣка вдругъ поворачиваетъ на сѣверъ,
а потомъ снова обращается къ востоку и югу, образуя большой низ-
менный полуостровъ, отчасти покрытый лугами. — На простран-
ствѣ между Казалой и Майлибашемъ встрѣчаются первые довольно
большіе острова, которыхъ нѣтъ почти до Казалы. Всѣ они покры-
ты густою зеленью камыша и травы.

(*) Около этого мѣста Сыръ-Дарья соединяется съ сухимъ русломъ
Кувана, поперечнымъ протокомъ, заросшимъ камышами и не судоход-
нымъ.

Извилины рѣки и сильное теченіе на крутыхъ ея поворотахъ, много замедляли наше плаваніе, которому мѣшала еще по временамъ и вѣтеръ; такъ 19-го Іюня прошли мы, отъ ночлега не болѣе 18-ти верстъ. Крѣпкій NW почти останавливалъ пароходъ, прижимая его къ берегу, такъ что въ 11 ч. утра принуждены были стать на якорь и переждать вѣтеръ.

20-го, снявшись около трехъ часовъ утра, въ 11 часовъ опять должны были бросить якорь за крѣпкимъ SW, не много пройдя урочище Акъ-Суатъ. — Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что пароходъ нѣсколько разъ дрейфовало:

Отъ самаго урочища Казалы, по распоряженію Капитанъ-Лейтенанта Бутакова, мы постоянно шли съ промѣромъ: между тѣмъ топографы замѣчали изгибы рѣки, сравнивали ихъ съ картою, и дополняли подробностями.

Такимъ образомъ плаваніе парохода продолжалось успѣшно и безъ особенныхъ происшествій; на слѣдующій день, 21-го, мы остановились противъ урочища Ильчибай. — Берега Сыра, между Майлибашемъ и Ильчибаемъ не отличаются разнообразіемъ. Къ правому прилегаютъ холмистые пески Кара-Кумъ, которые за урочищемъ Акъ-Суатъ смѣняются солонцоватыми и пустынными горами Кивокъ. Горы эти, или правильнѣе холмы, верстъ на полтора ста къ сѣверу совершенно лишены растительности и воды. Иногда они упираются въ самую рѣку, образуя вертикальные обрывы саженъ до осьми вышиною; особенно замѣчательны возвышенія около урочища Акъ-Джаръ; тутъ въ обрывахъ видѣнъ весь составъ почвы, въ которой глина разныхъ цвѣтовъ господствуетъ надъ другими породами, располагаясь правильными горизонтальными слоями. Лѣвый берегъ рѣки, одинаковаго характера съ правымъ, также мѣстами обрывистъ, но вообще луговое побережье его нѣсколько шире. — Уже отъ Казалы, особенно за Майлибашемъ, рѣка становится шире, острова больше, и отчасти покрыты мелкимъ курстарникомъ, который изрѣдка попадался и по побережью. Все это пространство совершенно

не обитаемо; только на вершинахъ прибрежныхъ холмовъ, старинныя могилы какъ маяки, указываютъ направленіе рѣки (*). — Объ этихъ могилахъ буду я имѣть случай сказать послѣ нѣсколько словъ.

Продолжая свое плаваніе, 22-го ночевали мы близъ уроч. Каратугай. — Въ этотъ день, крѣпкій NW опять заставилъ насъ почти шесть часовъ стоять на якорѣ; тяжелый прамъ мѣшалъ и ходкости и поворотамъ парохода.

На слѣдующее утро двинулись съ четырехъ часовъ; характеръ береговъ вообще тотже. Около Кара-Тугая, къ правому берегу примыкаютъ не большіе пески; дальше опять берега часто обрываются и окружены солонцовато-глинистыми голыми холмами. Близъ кладбища Хоръ-Хутъ, горы праваго берега принимаютъ мѣстами ярко малиновый цвѣтъ, и нѣсколько измѣняютъ свою наружну форму, дѣлаясь менѣе крутыми; лѣвый берегъ болѣе низменъ и богаче зеленью, острова попрежнему покрыты камышемъ и густой травой.

Отъ Кара-Тугая, рѣка имѣвшая до тѣхъ поръ вообще направленіе къ востоку, круто поворачиваетъ на югъ, и протекая такимъ образомъ мимо Хоръ-Хута, поворачиваетъ опять къ востоку, верстѣ за пятнадцать не доходя разрушеннаго укрѣпленія Кошъ-Курганъ.

Около трехъ часовъ пополудни 23-го, пароходъ бросилъ якорь у праваго берега рѣки, около версты выше кладбища Кармакчи, въ виду бывшаго Коканскаго Укрѣпленія Кошъ-Курганъ.

Выше кладбища Кармакчи Сыръ-Дарья течетъ двумя протоками, которые потомъ снова соединяются не далеко отъ укрѣпленія. Акъ-

(*) Почти всѣ могилы по низовьямъ Сыра выстроены изъ глины или изъ воздушнаго кирпича; фигура ихъ, четырехугольное или круглое основаніе и на немъ сводъ, похожій на готическій; вышина доходитъ до пяти сажень, внутренность могилы или пуста или содержитъ въ себѣ что то въ родѣ гробницы тоже изъ глины; иногда такихъ гробницъ двѣ у даже три. — Издали эти могилы кажутся огромными стогами соломы.

Мечеть, образуя такимъ образомъ большой островъ Кошъ-Курганскій. — Сѣверный протокъ называемый Кара-Узякъ (черный протокъ), окруженъ болотами и низменностями, покрытыми камышомъ; южный *Джаманъ* или *Яманъ* Сыръ (*), течетъ большею частию въ сухихъ берегахъ, поросшихъ кустарникомъ и камышемъ.

Въ верстѣ отъ южной оконечности острова, на самомъ берегу Джаманъ-Дарьѣ, стоитъ бывшее Коканское Укрѣпленіе Кошъ-Курганъ, квадратный редутъ съ глинянымъ валомъ около $2\frac{1}{2}$ саж. вышины и до 25 саж. по длинѣ фаса; окруженный водянымъ полузаросшимъ рвомъ. — Укрѣпленіе это находится въ полуразрушенномъ видѣ.

Окрестности Кошъ-Кургана, прежде довольно густо населенныя, теперь были почти безлюдны; передъ нашимъ прибытіемъ Коканцы силою увлекли киргизовъ къ Укр. Акъ-Мечети, и только не многіе могли укрыться отъ этой насильственной перекочевки.

Прежде чѣмъ идти далѣе, пароходъ долженъ былъ подняться нѣсколько по Кара-Узяку, для изслѣдованія, хотя части, этого во все неизвѣстнаго рукава, который по видимому велъ къ верхнимъ частямъ Сыръ-Дарьи ближайшимъ путемъ противъ Яманъ-Сыра.

26-го. Около девяти часовъ утра, пароходъ пошелъ вверхъ по Кара-Узяку и двигаясь малымъ ходомъ съ промѣромъ, къ полдню отплылъ около 15 верстъ отъ ур. Кармакчи. Берега Кара-Узяка въ этихъ мѣстахъ еще сухи, но покрыты камышомъ; по лѣвому берегу, не въ дальнемъ отъ него разстояніи тянутся песчано-солонцоватыя холмы. Мѣстами попадались не большіе кусты тальнику, но въ маломъ количествѣ. Теченіе въ этомъ рукавѣ отъ полутора до двухъ узловъ, ширина русла отъ 50 до 70 саж.; на поворотахъ теченіе значительнѣе; вообще характеръ Кара-Узяка тотъ же что и Сыръ-

(**) *Яманъ*, или по мѣстному произношенію *Джаманъ*, значитъ дурной, худой; *Акимъ* — хорошій.

Дарья; только одно существенное различіе; вода мутная и грязная въ Сырѣ, здѣсь совершенно чиста, доказательство, что Кара-Узякъ гдѣ нибудь вверху, или вплоть заросъ камышемъ, или разливается на мелководныя озера, а потомъ снова выходитъ однимъ русломъ; почва береговъ и дно этого протока не многимъ отличается отъ прочихъ мѣстъ Сырѣ-Дарьи; впрочемъ дно Кара-Узяка кажется менѣе песчано. Предвидя, что дальнѣйшее слѣдованіе вверхъ по извилистому и быстрому рукаву, можетъ задержать пароходъ Капитанъ-Лейтенантъ Бутаковъ отправилъ для изслѣдованія Кара-Узяка, на шестеркѣ, Корпуса Топографовъ Прапорщика Рыбина съ Топографомъ Яковлевымъ, приказавъ имъ возвратиться къ пароходу не позже вечера слѣдующаго дня, самъ же съ пароходомъ спустился обратно къ укр. Кармакчи; эту операцію мы выполнили впрочемъ не очень ѣкорю, по причинѣ быстроты протока и частыхъ крутыхъ его поворотовъ. Къ вечеру однакожъ бросили якорь на прежнемъ мѣстѣ у Кармакчи.

Вечеромъ 27-го возвратился на шестеркѣ Прапорщикъ Рыбинъ; онъ прошелъ со съемкой вверхъ около 45 верстъ, находя вездѣ Кара-Узякъ достаточно глубокимъ; въ 40 верстахъ выше Кармакчи онъ снова дѣлится на два рукава; успѣли пройти около пяти верстъ только по южному изъ нихъ. По мѣрѣ приближенія къ верхнимъ частямъ протока, теченіе дѣлалось менѣе быстро, новое доказательство того, что не въ дальнемъ разстояніи Кара-Узякъ выходитъ изъ разливовъ, покрытыхъ камышомъ.

Въ шесть часовъ, утромъ 28-го Іюня, пароходъ двинулся по Джаманъ-Сыру. — Рукавъ этотъ во многомъ отличается отъ Сырѣ-Дарьи; берега его совершенно плоски и густо поросли кустами тальнику, джиды (*) и камышу; ширина гораздо менѣе противъ Сырѣ-

(*) Кустообразное деревцо, съ листьями сѣроватаго цвѣта и съ плодами, похожими на мелкіе финики. — Оно достигаетъ вышины трехъ сажень.

Дарьи, и мѣстами не превышаетъ тридцати сажень. — Въ этотъ день прошли мы, считая по извилинамъ рѣки, больше 40 верстъ, хотя по прямому направленію подвинулись едва ли и на пятнадцать такъ извилисто русло Джаманъ-Сыра. — Вечеромъ пароходъ сталъ на якорь за темнотою, версты четыре пройдя примѣтный лѣсокъ Чокъ-Туранга.

На слѣдующій день утромъ шли довольно успѣшно, рѣка стала еще извилистѣе. Въ десять часовъ утра на одномъ изъ поворотовъ, рѣка вдругъ сдѣлалась шире и обмелѣла; пароходъ тихо остановился на мели; по промѣру со шлюпки оказалась наибольшая глубина мѣнѣе $3\frac{1}{2}$ футъ; пароходъ сидѣлъ въ водѣ почти столько же. Вся остальная часть дня прошла въ работахъ для перехода чрезъ мелководье; къ вечеру пароходъ хотя и стянулся съ мели, но перекачать еще не былъ пройденъ. На слѣдующій день оказалось, что отъ переходовъ по мелямъ, и отъ мутной воды, нѣкоторыя части машины засорились иломъ и пескомъ надо было нѣсколько часовъ, чтобы разобрать и очистить засоренныя части механизма; между тѣмъ пароходъ на завозахъ перетянулся черезъ мелководье, выгрузивъ часть угля на прамъ. Въ четыре часа пополудни мы шли уже подъ парами, а къ вечеру стали на якорь, почти на полдорогѣ отъ Кошъ-Кургана къ бывшему коканскому укр. Чимъ-Курганъ.

Въ два слѣдующіе дня плаваніе было довольно успѣшно, безъ особенныхъ остановокъ. Около полудня 2-го Іюля прошли мимо крѣпостцы Чимъ-Курганъ, построенной на правомъ берегу рѣки. Крѣпостца эта во всемъ подобна Кошъ-Кургану; мы нашли ее въ раззоренномъ видѣ, и совершенно пустою.

Около Чимъ-Кургана кустарникъ становится рѣже и мельче, но за то больше луговъ; джиды почти совсѣмъ исчезаютъ, остается одинъ тальникъ и отчасти мелкій колючій кустарникъ; камыши дѣлаются и гуще и выше. Іюля 3-го ночевали мы противъ рощи Чокъ-

Туранга - Аулье (*); это небольшой лѣсокъ высокихъ деревьевъ, кѣмъ то давно насаженный; въ зеленомъ морѣ камышей видѣнъ изъ далека; мы замѣтили лѣсокъ Туранга почти отъ самаго Чимъ-Кургана.

4-го утромъ, около 9 $\frac{1}{2}$ часовъ, прошли мимо истока Куванъ-Дарьи, которая въ этихъ мѣстахъ носить имя *Чиргели*; Куванъ-Дарьею называютъ ее только въ низовьяхъ. Въ полдень миновали истокъ Кара-Узяка, который въ этомъ мѣстѣ больше Джаманъ-Сыра, и составляетъ какъ бы главное русло Сыръ-Дарьи. За Кара-Узякомъ рѣка становится шире и глубже; около версты вверхъ отъ раздѣленія на протоки, ширина ея уже до 150 сажень, при глубинѣ отъ 2 до 4 сажень; теченіе быстрѣе чѣмъ въ Джаманъ-Сырѣ, но вода мутна по прежнему; такая же мутная вода входитъ и въ Кара-Узякъ. Часу во второмъ по полудни оставили вправо истокъ Джаны-Дарьи; плотина, преграждающая теченіе этой рѣки, разрушена въ прошедшую осень Киргизами.

Юля 5-го прошли мы еще верстѣ десять выше истока Джаны-Дарьи и бросили якорь противъ урочища Акъ-Мечеть близъ Форта «Перовскій».

Здѣсь прекратилось дальнѣйшее наше плаваніе по Сыру, продолжавшееся съ остановками 15 дней; изъ этого времени надобно исключить почти половину времени на остановки и ночлеги.

Постараюсь теперь сдѣлать краткій очеркъ страны, между Аральскимъ Моремъ и Урочищемъ Акъ-Мечеть на Сыръ-Дарьѣ.

Все теченіе Сыръ-Дарьи, какъ бы самой природой раздѣляется на двѣ существенно различныя части: верхнюю и нижнюю. Первая, начинаясь выше города Кокана, при соединеніи рѣкъ Нарымъ и Гулишанъ, оканчивается не много выше Акъ-Мечети. Вторую по-

(*) Аулье—Святой, Священный. Туранга—лѣсъ. Такъ называютъ обыкновенно всякой лѣсокъ, или рошу, изъ большихъ деревьевъ,

ловину составляет остальная часть Сыръ-Дарьи до Аральскаго Моря. О верхнемъ теченіи Сыра, свѣдѣнія наши довольно бѣдны; въ тѣхъ мѣстахъ до сихъ поръ никто еще не плавалъ. Кое-что извѣстное собрано по изустнымъ разсказамъ русскихъ, бывавшихъ въ Коканѣ по торговымъ дѣламъ.

Въ верхней половинѣ Сыръ-Дарья течетъ однимъ широкимъ русломъ и принимаетъ въ себя нѣсколько рѣкъ, иногда довольно значительныхъ; въ нижней — въ Сыръ-Дарью не впадаетъ уже ни одной рѣки, а на оборотъ: главное русло раздѣляется на протоки, изъ которыхъ хотя нѣкоторые и снова впадаютъ въ него, но за то другіе идутъ до моря въ видѣ особенныхъ рѣкъ; отсюда прямое слѣдствіе: большое обиліе воды въ верхнемъ теченіи, и относительная маловодность рѣки въ нижнемъ. — Я не буду говорить о верхней половинѣ Сыра и ограничусь взглядомъ на ея низовья.

Въ сорока пяти верстахъ выше урочища Акъ-Мечети, Сыръ-Дарья отдѣляется отъ себя къ Сѣверу первый протокъ Батна-Уткуль-Сагазы, который образовавъ разливъ, или Озеро Беръ-Казанъ, цѣпью болотистыхъ рукавовъ соединяется съ Озеромъ Бабыстынъ — разливомъ Кара-Узяка. Между этими протоками и главнымъ русломъ Сыра образуется островъ Акъ-Мечетскій до шестидесяти верстъ въ длину. Въ десяти верстахъ ниже урочища Акъ-Мечети, отдѣляется къ Югу Джавы, Яны или Янгы-Дарья (новая рѣка); этотъ рукавъ, образуя недалеко отъ своего истока разливъ Кара-Куль, течетъ потомъ отдѣльной рѣкой, и впадаетъ въ юго-восточную часть Аральскаго Моря (*).

Въ десяти верстахъ еще ниже, Сыръ-Дарья снова раздѣляется на два рукава: Кара-Узякъ и Джаманъ-Сыръ. Хотя первый еще не совершенно изслѣдованъ, однакожъ по всѣмъ соображеніямъ надо полагать что онъ не судоходенъ. Близъ Кошъ-Кургана, какъ было

(*) Въ настоящее время рѣка эта снова преграждена плотиною.

уже сказано выше, Кара-Узякъ опять сливается съ Джаманъ-Сыромъ, образуя Островъ Кошъ-Курганскій. Джаманъ-Сыръ, въ пятнадцати верстахъ отъ своего истока, выпускаетъ къ Югу протокъ Чиргели или Куванъ-Дарью; этотъ рукавъ течетъ сначала на Западъ и пройдя, около пятидесяти верстъ прямого разстоянія на западъ, онъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, сливающихся у Хивинской крѣпостцы Ходжа-Ниязъ. Здѣсь теченіе Кувана преграждается искусственной плотиной; далѣе идетъ уже одно сухое русло, только мѣстами, въ ямахъ, наполненное солоноватой водой. Низовья и вершины Кувана сняты топографически; средняя часть еще совершенно не изслѣдована. Долины Сыра и Кувана, представляютъ вообще низменную солонцоватую равнину, нѣсколько покатую къ Западу. Трудно не подумать, даже поверхностному наблюдателю, что все это пространство есть дно высохшаго моря; характеръ почвы солонцовато песчаный и самый наружный видъ ея неровностей, какъ бы говорятъ въ пользу этого мнѣнія; отдѣльные плоскіе холмы, раскиданные по равнинѣ, и теперь еще кажутся островами въ этомъ пространномъ морѣ камышей. Долина Сыра и его рукавовъ далеко еще не вся изслѣдована топографически и потому объ ней почти нечего прибавить къ вышесказанному; подробности о мѣстахъ, которыя удалось мнѣ видѣть въ послѣдствіи, будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ; а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ собственно о Сырѣ-Дарѣ.

Плаваніе парохода «Перовскій» доказало, что судоходство по Сыру возможно, хотя и не безъ затрудненій. Главнѣйшія препятствія встрѣчаются при переходѣ по Джаманъ-Сыру, отъ извилинъ, узкости фарватера и множества острововъ и мелей, изъ которыхъ иные пересѣкаютъ всю рѣку; впрочемъ мы не нашли ни гдѣ менѣе $3\frac{1}{2}$ футъ. Ниже Кошъ-Кургана глубина по фарватеру вездѣ больше сажени и рѣка течетъ прямѣе; между Акъ-Мечетью и Кара-Узякомъ глубина Сыра еще значительнѣе; тутъ она доходитъ до пяти и шести сажень; при ширинѣ русла отъ 100 до 250 са-

жень. О глубинѣ и ширинѣ Сыръ-Дарьи между урочищемъ Акъ-Мечеть и Коканомъ, хотя и нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, однакожъ изъ показаній Киргизовъ и другихъ соображеній, можно заключить, что рѣка вездѣ достатотно глубока для судовъ идущихъ снизу, что же касается до ширины то, какъ говорятъ она между Ташкентомъ и Туркестаномъ, доходитъ иногда до 300 сажень.

Вода въ Сыръ-Дарьѣ и во всѣхъ рукавахъ ея, кромѣ нижней половины Кара-Узяка, мутна; причина этому слабый илистый и песчаный грунтъ и быстрое теченіе, которое выше урочища Акъ-Мечети не меньше $2\frac{1}{2}$ узловъ (бываетъ и четыре); по Джаманъ-Сыру и Кувану отъ одного до двухъ узловъ; между Кошъ-Курганомъ и Устьемъ отъ $1\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ узловъ; оно на поворотахъ часто усиливается до трехъ, какъ напримѣръ недалеко отъ урочища Казалы, до пяти узловъ. Это бываетъ только въ высокую воду, лѣтомъ; осенью же теченіе значительно меньше. Вода хотя и мутна, но здорова и скоро отстаивается.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ Раимѣ, Сыръ-Дарья замерзаетъ въ Декабрѣ и вскрывается въ Мартѣ; вмѣстѣ со вскрытіемъ рѣки, прибываетъ и вода и держится на одной высотѣ, съ малыми колебаніями почти до Августа. Въ началѣ Августа уровень воды значительно понижается, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и скорость теченія. Говорятъ впрочемъ, что случается иногда прибыль воды и въ осенніе мѣсяцы, но на короткое время. Надо полагать, что подобное возвышеніе зависитъ болѣе отъ количества дождей въ верховьяхъ рѣки; такъ точно какъ общій уровень рѣки находится въ связи съ количествомъ тающего снѣгу въ горахъ, изъ которыхъ вытекаетъ Сыръ-Дарья; надо сознаться, что законы о прибыли и убыли воды въ Сыръ-Дарьѣ пока извѣстны только въ общихъ чертахъ; изслѣдованіе этихъ законовъ и измѣненій быстроты теченія, требуетъ продолжительныхъ наблюденій во многихъ пунктахъ. Относительно теченія замѣчено нами и въ Раимѣ, и въ Акъ-Мечети, и въ Кошъ-Курганѣ, довольно странное явленіе — это перемена быстроты теченія въ

продолженіе дня; мы не имѣли случая и времени постоянно слѣдить за этими перемѣнами, однакожъ изъ наблюденій въ Акъ-Мечети, замѣчено, что наибольшая скорость теченія случается по утру около десяти или одиннадцати часовъ, потомъ она уменьшается часовъ до двухъ, послѣ чего опять дѣлается быстрее, а къ вечеру скорость его обыкновенно бывала или равна, или даже и меньше утренней. Причины этихъ перемѣнъ трудно отыскать. Я по крайней мѣрѣ не могу ничего придумать, хотя фактъ существуетъ несомнѣнно. Считаю лишнимъ высказывать свои догадки; систематическія и постоянныя наблюденія вѣроятно въ скоромъ времени разъяснятъ этотъ предметъ и укажутъ дѣйствительную причину колебаній въ скорости теченія. Будущимъ плователямъ предстоитъ также разыскать и законы измѣненія и передвиженія мелей. Что эти передвиженія существуютъ въ Джаманъ-Сырѣ, въ томъ мы имѣли случай убѣдиться впоследствии.

Вся долина Сыръ-Дарьи между урочищемъ Акъ-Мечеть и моремъ имѣетъ почву солонцовато-глинистую, болѣе или менѣе рыхлую на низменностяхъ и твердѣйшую по холмамъ. — На островахъ Акъ-Мечетскомъ и Кошъ-Курганскомъ побережья Сыра во многихъ мѣстахъ поросли густымъ высокимъ кустарникомъ Джиды и тальнику; эти кусты достигаютъ иногда вышины трехъ саженъ, такъ что ихъ можно скорѣе считать кустообразными деревьями. Далѣе отъ берега, на упомянутыхъ островахъ, большія пространства заросли кустами терновника, джангыла (по русски гребенщикъ) джюзгуна и саксаула. Это послѣднее дерево, хвойное, растетъ криво, иногда достигаетъ до двадцати футъ вышины; оно тонетъ въ водѣ; чрезвычайная твердость и плотность саксаула дѣлаетъ его весьма удобнымъ для топлива; качества саксаула въ этомъ отношеніи уступаютъ только каменному углю. Къ сожалѣнію дерево это растетъ медленно, а потому нельзя на него рассчитывать какъ на постоянное топливо. Во всякомъ случаѣ, при надобности, саксаульные кусты могутъ быть весьма полезны какъ временное топливо

для пароходовъ. — Между Кошъ-Курганомъ и Майлибашемъ гдѣ Сыръ-Дарья течетъ однимъ большимъ русломъ въ узкой, сжатой горами долинѣ, встрѣчается только мелкій кустарникъ джиды и тальнику, и то больше по островамъ; горы же совершенно обнажены; въ ложбинахъ попадаетъ рѣдкая травка; кустарника нѣтъ вовсе.

Ниже Майлибаша, характеръ побережья сходенъ съ окрестностями Кара-Узяка и Кошъ-Кургана; здѣсь нѣтъ почти кустарника за то больше луговъ, иногда болотистыхъ. У Казалы, Сыръ-Дарья отдѣляетъ вправо мелкій несудоходный протокъ, который скоро исчезаетъ въ обширныхъ болотистыхъ разливахъ, поросшихъ густымъ камышемъ; разливы эти доходятъ почти до самаго Райма.

Вся низменная часть долины Сыра удобна для земледѣлія, но не иначе какъ съ орошеніемъ; совершенное отсутствіе дождей въ лѣтнее время, когда сильный жаръ иссушаетъ землю, дѣлаетъ поливку необходимымъ условіемъ при воздѣлываніи полей. Отъ этого всѣ побережья Сыра между Раймомъ и Казалой и на островахъ Кошъ-Курганскомъ и Акъ-Мечетскомъ изрѣзаны каналами; иногда эти каналы, при значительной ширинѣ и глубинѣ, прокопаны на десятки верстъ. Обыкновенно отъ большихъ каналовъ, вода чрезъ малыя канавы проводится на поля, гдѣ потомъ разливается уже по бороздамъ.

Трудно предположить чтобы эти огромныя работы произведены были киргизами, зная что Киргизъ только тогда начинаетъ обрабатывать землю, когда лишится всего, и не можетъ прокормиться иначе. — Впрочемъ извѣстно, что обитавшіе въ низовьяхъ Сыра, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ, Каракалпаки были народъ исключительно земледѣльческій, въ настоящее время только малое число киргизовъ *Ильгинчей* т. е. земледѣльцовъ, обитаетъ въ этихъ мѣстахъ; изъ нихъ, большая часть живетъ въ окрестностяхъ Аральскаго Укрѣпленія и около Акъ-Мечети.

Кромѣ земледѣлія, эти бѣдняки занимаются и огородничествомъ; дыни и арбузы акъ-мечетскіе и раймскіе, при огромныхъ размѣ-

рахъ, могутъ поспорить въ качествахъ съ лучшими плодами этого рода. Всѣ огородные овощи хорошо рождаются въ Раймѣ; вѣроятно тоже окажется и въ Фортѣ Перовскій. Даже есть попытки, довольно успѣшныя, развести виноградъ.

До 1847 года на Сыръ-Дарьѣ не было паруснаго судоходства. Вмѣстѣ съ основаніемъ Аральскаго Укрѣпленія, выстроили нѣсколько парусныхъ барказовъ, для мѣстныхъ надобностей. При занятіи Райма нашли двѣ или три большія лодки, но по дурному состоянію ихъ нельзя было употребить въ дѣло. Киргизы имѣютъ только небольшіе челноки, число ихъ вообще невелико. Лодки эти совершенно плоскодонны, внутри не имѣютъ кокоръ или шпангоутовъ, но сплошь составлены изъ небольшихъ кусковъ дерева скрѣпленныхъ въ видѣ обшивки, на шипахъ, и проконопаченныхъ камышомъ; для скрѣпленія внутри дѣлается нѣсколько поперечныхъ распорокъ; желѣза или мѣди вовсе не употребляется. Обыкновенная лодка поднимаетъ не больше двухъ человѣкъ, есть впрочемъ такія, на которыхъ можно помѣстить пять и даже шесть человѣкъ.

Можно себѣ представить въ какой степени крѣпки подобныя суда; обыкновенно при переездахъ черезъ рѣку одинъ гребетъ, а другой отливаетъ воду. Для гребли употребляются короткія небольшія весла, въ родѣ нашихъ гребковъ. Впрочемъ лодки у Киргизовъ составляютъ роскошь; Киргизы для переправъ и переездовъ по рѣкѣ употребляютъ *Салы́*, или плоты, составленные изъ нѣсколькихъ рядовъ камышевыхъ фашинъ; большія салы сидятъ въ водѣ до четырехъ футъ. Всѣ караваны идущіе на линію, обыкновенно переправляются на салахъ. Саль служитъ одно лѣто, а при наступленіи зимы оставляется на произволъ судьбы; весною, со вскрытіемъ рѣки, салы увлекаются теченіемъ внизъ и сотнями остаются на отмѣляхъ; особенно близъ устья Сыра, ихъ наноситъ цѣлыми кучами.—Это одна изъ причинъ скорого засоренія и перемѣны фарватера по рѣкѣ, и въ особенности при устьяхъ. Я не буду вдаваться въ подробности о причинахъ измѣненія фарватера, русла Сыръ-Дарьи

и ея рукавовъ; для разсмотрѣнія этого важнаго вопроса еще слишкомъ мало данныхъ.

Убыль воды въ прошломъ году была необыкновенно велика; причина этому — разрушеніе плотины, заграждавшей Джаны-Дарью. Въ настоящее время (*) плотина возобновлена; вода татчасъ же прибыла и должно надѣяться, что впослѣдствіи пароходство по Джаманъ-Сыру не будетъ встрѣчать препятствій, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцовъ.

Августа 11-го отправились мы въ обратный путь уже сухимъ путемъ. — Я воспользовался удобнымъ случаемъ для осмотра части страны между Фортомъ Перовскій, по Кувану, до Укр. Кутышь-Курганъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о климатѣ и производительности этой страны. Дожди здѣсь весьма рѣдки въ лѣтнее время; въ бытность нашу (съ 5 Іюля по 12 Августа) небо было почти всегда чисто, только два накрапывалъ небольшой, кратковременный дождь. Жары стояли большіе: термометръ рѣдко былъ ниже $+25^{\circ}$ Р. въ тѣни, и ночью не опускался ниже 15° ; съ послѣднихъ чиселъ Іюля, замѣтно стало холоднѣе, а по ночамъ термометръ иногда показывалъ не больше $+10^{\circ}$ Р. Средняя высота барометра была около 29^а,4, съ малыми отклоненіями. Вѣтры почти всегда дули между NO и W, часто крѣпкіе; они нѣсколько умѣряли жаръ, и на время, разгоняли комаровъ, настоящій бичъ этого края. Милліоны этихъ маленькихъ вампировъ живутъ въ камышахъ и кустарникахъ по берегамъ Сыра и, вмѣстѣ съ закатомъ солнца, тучами вылетаютъ на добычу: сѣтки и пологъ отчасти только могли защищать насъ отъ этихъ не отразимыхъ враговъ. Особенно страдали отъ нихъ люди работавшіе въ траншеяхъ.

Климатъ окрестностей Форта Перовскій нельзя кажется назвать

(*) Въ Ноябрь 1853 г.

особенно нездоровымъ, по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время, хотя испаренія болотистыхъ окрестностей едва ли безвредны. Здоровье экспедиціоннаго отряда было въ удовлетворительномъ состояніи; а по послѣднимъ извѣстіямъ и въ оставшемся гарнизонѣ, число больныхъ незначительно. По словамъ мѣстныхъ жителей, зима вообще непродолжительна, но бываютъ сильныя бураны: это общее свойство степныхъ пространствъ. Впрочемъ объ этомъ предметѣ я не могъ собрать удовлетворительныхъ свѣдѣній.

Фауна этихъ странъ довольно бѣдна; она мало отличается отъ степной вообще; впрочемъ есть нѣкоторыя особенности. Въ низменныхъ равнинахъ между Сыромъ и Куваномъ, и вообще по берегамъ этихъ рѣкъ, водятся въ большомъ количествѣ разныхъ породъ дикія утки, гуси, цапли, пеликаны, различной величины и вида кулики, и проч.; въ травѣ, по побережьямъ рѣки и около полей, множество фазановъ. Изъ четвероногихъ, я не видалъ здѣсь сайгъ, или какъ называютъ ихъ обыкновенно, *сайгаковъ*, которые въ степи попадались намъ большими стадами; замѣню ихъ по низовьямъ Сыра водятся олени и тигры, а въ камышахъ стада кабановъ. Тигровъ довольно много въ окрестностяхъ Акъ-Мечети: по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ къ пароходу камышахъ, мы видѣли множество слѣдовъ этихъ животныхъ. О существованіи оленей въ этихъ мѣстахъ, кажется, мало знали и сами Киргизы, но мы убѣдились въ этомъ фактѣ положительнымъ образомъ: однажды утромъ, матрозы наши замѣтили слѣды тигра, и слѣдуя за нимъ, нашли между густымъ камышемъ и кустами, остатки настоящаго оленя, до половины уже съѣденнаго; его голова и вся передняя половина туловища были еще цѣлы. Мѣсто, гдѣ лежалъ убитый олень, укутано тигромъ сажени на три вокругъ, и находилось сажень на 200 отъ нашего прама, стоявшаго возлѣ самаго берега.

Насѣкомыя многочисленны и разнообразны; но кромѣ тарантуловъ и фалангъ, кажется мало ядовитыхъ; скорпіоны попадаютъ весьма рѣдко. Настоящій же бичъ этихъ странъ комары и

оводы, или слѣпни, послѣдніе особенно страшны для скота, котораго доводятъ иногда до бѣшенства и совершеннаго изнуренія. Животныя здѣсь подвержены также сибирской язвѣ, особенно лошади и бараны. Язва эта дѣйствуетъ и на людей, но вообще излечима, если будетъ захвачена во-время. Въ болотахъ и камышахъ Кара-Узяка обитаютъ тучи саранчи; въ началѣ Августа нѣсколько дней сряду мы видѣли подобныя тучи, двигавшіяся то въ одну, то въ другую сторону; поля и вообще растительность сильно страдаютъ отъ этихъ крылатыхъ, даже камыши остаются съ одной только нижней половинной стержня безъ малѣйшей зелени, и кажутся какъ будто срѣзанными.

Прозрачность здѣшняго воздуха удивительна: звѣзды вовсе не мерцаютъ, какъ у насъ, но свѣтятъ ровнымъ, постояннымъ огнемъ, яркія планеты, какъ Венера, и большія звѣзды, видны при самомъ ихъ восхожденіи; въ особенно ясныя ночи случалось мнѣ видѣть на самомъ горизонтѣ звѣзды второй и даже нѣкоторыя третьей величины. Цвѣтъ неба, особенно на зарѣ, не можетъ ни съ чѣмъ сравниться; но наслажденіе этими чудесами неба вполне отравляется милліонами комаровъ, отъ которыхъ одно спасеніе — дымъ большаго костра сырыхъ вѣтвей.

Рано утромъ Августа 11-го нашъ маленькій отрядъ отправился по назначенію; къ 10-ти часамъ прибыли мы на переправу черезъ Сырь, лежащую верстахъ въ 15-ти ниже Акъ-Мечети, противъ бугра Кубасъ, въ верстѣ отъ истока Джаманъ-Сыра. Переправлялись до вечера, на двухъ флашкоутахъ и бударкѣ, присланныхъ изъ укрѣпленія. Съ нами было до 50 человѣкъ пѣхоты, 25 казаковъ, одно легкое орудіе, 40 верблюдовъ подъ व्यюками и четыре троечныхъ телѣги. Верблюдовъ и лошадей пускали вплавь; ширина рѣки на мѣстѣ переправы 120 сажень, при глубинѣ отъ трехъ до четырехъ сажень; теченіе на срединѣ около двухъ узловъ. Не смотря на такую быстроту воды, только одинъ верблюдъ утонулъ при переправѣ. Мы воспользовались временемъ переправы для осмотра ис-

тока Джаны-Дарьи, находящагося верстахъ въ семи выше бугра Кубасъ, и поѣхали туда верхомъ, по узкой тропинкѣ, вдоль лѣваго берега Сыра чрезъ густые камыши и кустарники; на пути нѣсколько разъ встрѣчались намъ болотистые рвы и заводы; мѣстами видны были слѣды когда-то обработанныхъ полей. Въ настоящее время все это пространство покрыто сплошь высокимъ камышемъ и болотами. Мы проѣхали верстъ около двухъ внизъ по правому берегу Джаны-Дарьи; рѣка эта шириною отъ двадцати пяти до тридцати сажень; въ двухъ мѣстахъ замѣтны слѣды бывшихъ плотинъ: во первыхъ, при самомъ истокѣ, гдѣ вода была весьма не глубока, и мѣстами стремилась какъ будто порогами; островокъ, лежащій по срединѣ вытекающаго русла, оставляетъ два пролива, каждый шириною не больше десяти сажень; мѣсто другой плотины, по видимому давно уже разрушенной, лежитъ въ полувѣрстѣ ниже: тутъ рѣка съ обѣихъ сторонъ суживается, оставляя пространство сажень въ пятнадцать шириною. Берега Джаны-Дарьи поросли тальникомъ, джидой и камышомъ; вообще они во всемъ похожи на окрестности Джаманъ-Сыры. Не далеко отъ второй плотины, на лѣвомъ берегу, есть развалины старинной крѣпостцы; мы не имѣли времени осмотрѣть эти развалины. Не знаю почему Киргизы называютъ эту плотину — *черною* (кара-бугутъ) (*).

Переночевавъ у переправы, шли мы далѣе вдоль лѣваго берега Джаманъ-Сыра, а потомъ по Кувану, чрезъ густые камыши, пока не выѣхали на урочище *Мяды*, отличающееся песчаными холмами; въ окрестности видно было нѣсколько старинныхъ могилъ. Пройдя отъ этого мѣста еще верстъ десять по солонцоватой равнинѣ, расположились мы на ночлегъ возлѣ развалинъ укрѣпленія *Куль-Икъ*, на самомъ берегу протока Чиргели или Куванъ-Дарьи. Развалины *Куль-Икъ* довольно замѣчательны: это плоскій глиняный холмъ са-

(*) *Бугутъ* — плотина.

женъ въ шесть вышины и до двухъсотъ въ окружности. По словамъ нашихъ вожаковъ, онъ долженъ быть насыпной; глубокий ровъ окружаетъ его у подошвы, а на верху видны слѣды вала; внутреннее пространство этого древняго укрѣпленія, плоско и пусто; только на Ю сторонѣ Коканцы построили четырехъ-угольный фортъ, но онъ разрушенъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какимъ то Киргизскимъ батыремъ Адамбаемъ. Вотъ все, что могъ я узнать объ этой замѣчательной мѣстности. Кто, когда, и зачѣмъ построилъ Куль-Икъ, никто не вѣдаетъ. Съ верхней площадки горы — обширный видъ на равнину между Куваномъ и Джаны-Дарьей, которой однако не было видно за песчаными холмами; къ западу, горизонтъ ограничивался плоскими горами, между которыми ближайшая Косасаръ съ двумя холмами. Вокругъ нее тоже нашли мы слѣды древняго рва, нѣсколько кирпичей и обломки черепицы.

Августа 13-го, вскорѣ послѣ полудня отрядъ нашъ прибылъ къ Кумышъ-Кургану.

Окрестности Кумышъ-Кургана — плоская солонцоватая равнина, мѣстами покрытая камышомъ и мелкимъ, колючимъ кустарникомъ. На противоположномъ берегу р. Чиргели или Куванъ-Дарьи стояло нѣсколько Киргизскихъ кибитокъ, которыхъ во всей окрестности было до тридцати. Страна эта бѣдна травой и лѣсомъ и не можетъ сравниться съ изобильными (говоря относительно) окрестностями Форта Перовскаго. Со стѣнъ укрѣпленія видно къ Югу большое озеро *Дала* (*), образовавшееся изъ разлива Джаны-Дарьи; съ плоской возвышенности, верстахъ въ пяти не доходя Кумышъ-Кургана, видны вдругъ и Чиргели и Джаны-Дарья; около этого мѣста они соединяются чѣмъ-то въ родѣ канавы, наполняемой водою во время весеннихъ разливовъ. Въ распоряженіе нашего маленькаго отряда присланъ былъ изъ Форта Перовскаго одинъ изъ флашкоу-

(*) *Дала* — Куль. *Куль* — озеро.

товъ; онъ спустился по Джаманъ-Сыру до истока Чиргели, и благополучно соединился съ нами на другой день, послѣ нашего прибытія. По словамъ казаковъ, управлявшихъ флашхоутомъ, на всемъ пройденномъ разстояніи по Кувану, особенныхъ препятствій къ судоходству нѣтъ; низкая вода, извилины рѣки, и неизвѣстность фарватера замедлили плаваніе ихъ нѣсколькими часами. Все разстояніе, пройденное на флашхоутѣ по Чиргели, можетъ простираться около 80 верстъ, тогда какъ по прямой линіи между Кумышъ-Курганомъ и истокомъ Чиргели не болѣе 30 верстъ. Глубина рѣки противъ укрѣпленія была въ это время до сажени, при ширинѣ около тридцати сажень; съ версту выше, есть бродъ аршина въ полтора глубины.

Утромъ Августа 15-го, въ сопровожденіи трехъ казаковъ и вожатаго Киргиза съ парюю верблюдовъ, поѣхалъ я въ Чимъ-Курганъ. До Чимъ-Кургана двадцать двѣ версты; мѣстность ровная; солонцоватая почва ея почти обнажена отъ растительности; верстъ за пять, не доѣзжая крѣпостцы, дорога выходитъ на берегъ Джаманъ-Сыра и далѣе вьется между кустами и камышомъ, по мѣстности пересѣченной множествомъ сухихъ канавъ. На половинѣ дороги, между Чимъ и Кумышъ-Курганомъ, переѣхали мы сухой оврагъ, прегражденный въ двухъ мѣстахъ плотинами. Это бывший протокъ Кувана, теперь пересохшій; около него на нѣсколько верстъ видны ясные слѣды когда-то обработанныхъ полей и множество канавъ. Кромѣ двухъ плоскихъ горъ Кара-Саръ, между Сыромъ и Куваномъ, въ этихъ мѣстахъ, не встрѣчается возвышенностей.

Переправившись въ бродъ на спинахъ верблюдовъ (глубина шесть футовъ), въ полуверстѣ ниже Чимъ-Кургана, я расположился на привалъ у самой крѣпости; кончивъ же наблюденія, въ пять часовъ вечера отправился въ Кошъ-Курганъ, до котораго считается отсюда семьдесятъ двѣ версты. Дорога шла по равнинѣ, чрезъ множество канавъ и сухихъ протоковъ; многіе изъ нихъ, по словамъ вожатаго Киргиза, при весеннихъ разливахъ наполняются водою; въ это вре-

мя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, Джаманъ-Сыръ соединяется протоками съ Кара-Узякомъ, такъ что на небольшомъ челнокѣ можно пройти изъ одного въ другой. Во время моего проѣзда всѣ эти каналы и протоки были сухи, только въ немногихъ мѣстахъ вода держалась еще въ ямахъ. Переночевавъ въ пятнадцати верстахъ отъ Чимъ-Кургана, у берега рѣки близъ холма Кукъ-Тунды, на слѣдующій день, въ восемь часовъ вечера, прибылъ я къ урочищу Кармакчи, а утру Августа 17-го соединился съ моими спутниками у кладбища Хоръ-Хуть.

Характеръ мѣстности, пройденной накануне, вообще сходенъ съ прежнимъ; только здѣсь растительность нѣсколько сильнѣе. Верстахъ въ двадцати отъ Чимъ-Кургана, дорога пересѣкаетъ полосу песковъ, потомъ снова идетъ по оставленнымъ, солонцоватымъ полямъ съ канавами. Верстѣ за тридцать до Кошъ-Кургана, мѣстность становится изобильнѣе: кусты гребенщика и саксаула, достигаютъ здѣсь значительной величины и, на пространствѣ почти двадцати верстѣ, покрываютъ сплошь полосу шириною отъ двухъ и до четырехъ верстѣ—это довольно хорошій запасъ дровъ для будущихъ поселеній.

Островъ Кошъ-Курганскій имѣетъ весьма продолговатую форму: ширина его, я полагаю, нигдѣ не превосходитъ десяти верстѣ. Около Чимъ-Кургана, къ Востоку видны были камыши, не болѣе какъ верстахъ въ трехъ или четырехъ; на второй половинѣ пути, также недалеко, видѣлись съ этой стороны песчаные и глинистые холмы, вѣроятно близкіе къ Кара-Узяку. Впрочемъ Кара-Узякъ еще не вполне изслѣдованъ.

Остальной путь нашъ до Аральскаго укрѣпленія лежалъ по прежней дорогѣ, вдоль праваго берега Сыра чрезъ мѣста уже отчасти извѣстныя; при томъ и самая мѣстность не представляла рѣшительно ничего для наблюденія: до уроч. Акъ-Суатъ пустынная, солонцовато-глинянная и безводная возвышенности Кивокъ, лишенная всякой даже малѣйшей растительности, а потомъ пески

Кара-Кумъ — вотъ мѣстность, по которой мы шли почти до самаго Райма.

Скажу нѣсколько словъ о старинныхъ могилахъ и кладбищахъ, разбросанныхъ во множествѣ по низовьямъ Сыръ-Дарьи и вообще по всѣмъ степнымъ рѣкамъ.

Уваженіе мусульманъ къ праху умершихъ вошло въ пословицу; по этому не удивительно, что почти на всякой горѣ встрѣчается могила. Обыкновеніе строить эти памятники на высотахъ, общее на Востокѣ и у Киргизовъ въ особенности. Въ пустынной, однообразной степи, такія постройки имѣютъ еще и практическое значеніе, служа какъ бы маяками путнику для указанія дороги. Объ архитектурѣ могилъ я уже говорилъ выше. Кромѣ одинокихъ памятниковъ, разсѣянныхъ по вершинамъ горъ, на правомъ берегу Сыра есть еще нѣсколько кладбищъ, изъ которыхъ особенно замѣчательно по величинѣ своей кладбище Хоръ-Хуть, лежащее въ двадцати верстахъ къ NW отъ укрѣпленія Кармакчи. Оно расположено по отлогому скату, на самомъ берегу рѣки и занимаетъ пространство болѣе квадратной полуверсты. Большая часть могилъ обыкновенной конической формы, изъ глины или изъ квадратныхъ воздушныхъ кирпичей; но одна изъ нихъ, выстроенная изъ обожженного кирпича, отличается особенною тщательностію работы и внутри вычекатурена. Вообще о могилахъ у Киргизовъ есть много преданій, но по нимъ не видно кому принадлежитъ этотъ замѣчательный памятникъ. Я не стану рассказывать этихъ преданій, любопытныхъ впрочемъ только въ этнографическомъ отношеніи. Ни одна, можетъ быть, страна въ мірѣ не видѣла столько разныхъ народовъ какъ берега Сыръ-Дарьи; многіе изъ этихъ исчезнувшихъ племенъ оставили слѣды свои въ развалинахъ и могилахъ, другія въ преданіяхъ и сказкахъ; но извлечь ли исторія что-нибудь изъ этихъ рассказовъ, украшенныхъ и искаженныхъ восточной фантазіей? Сомнительно.

Августа 23-го пришли мы въ Аральское укрѣпленіе, откуда, послѣ двухъ-дневнаго отдыха, отправились далѣе.

Прощаясь съ берегами Сыра, сдѣлаю еще одно замѣчаніе о свойствѣ низовьевъ этой рѣки.

Не много найдется мѣстностей способныхъ до такой степени къ измѣненію, какъ берега и вообще долины Сыръ-Дарьи: отсутствіе каменныхъ породъ въ руслѣ рѣки и мягкій составъ береговъ ея, объясняютъ такую подвижность. Съ другой стороны, наружный видъ почвы совершенно обуславливается водою: пока есть вода, есть около нее и растительность; съ прекращеніемъ влажности въ почвѣ, вся мѣстность принимаетъ пустынный видъ, покрывается солонцами, или зарастаетъ изрѣдка колючими растеніями. И такъ, нѣсколько новыхъ плотинъ, или новыхъ каналовъ для орошенія полей, и вся окрестность Сыра можетъ измѣниться: образуются новые протоки и даже новыя рѣки. Черезъ нѣсколько лѣтъ, при усиленномъ земледѣліи и съ увеличеніемъ заселенія, этотъ край, вѣроятно, приметъ совершенно другой видъ.

Не имѣя большихъ тяжестей, мы могли двигаться нѣсколько скорѣе прежняго; обыкновенно мы дѣлали отъ тридцати пяти до сорока верстъ въ день, а иногда и болѣе. Къ 1-му Сентябрю караванъ миновалъ Кара-Кумы и вышелъ на рѣчку Джаловлы. Видъ этой песчаной степи былъ еще печальнѣе: съ наступленіемъ осени она лишилась и той жалкой растительности, какую мы видѣли тутъ весною; кусты, опаленные солнцемъ, стояли голые, какъ зимой; отъ аржанника (*) остались только сухіе стебли, да и тѣ были большею частію вытравлены проходившими транспортами. Вообще кормы были весьма плохи: лошади и верблюды сильно изнемогали.

Рѣчка Джаловлы существовала почти только по имени, въ немногихъ ямахъ была въ ней вода, да и то плохая. Начало свое она беретъ нѣсколько восточнѣе, у подножія горъ, которыя тянулись

(*) Весьма питательная трава, похожая видомъ на рожь, вышиною до полуаршина.

длинной цѣпью на западѣ, отъ самаго Аральскаго Моря; между этими горами и песками Кара-Кумъ простирается низменность, которая, чрезъ долину Джаловлы и Озера Мельде, соединяется съ длиннымъ рядомъ лощинъ и озеръ, идущихъ отъ озера Чалкаръ къ Сѣверо-Востоку, вплоть до Сибирской линіи.

Сентября 3-го прибыли мы въ Уральское Укрѣпленіе; труднѣйшая часть пути была пройдена. Обратный путь нашъ вообще не представлялъ ничего особенно тяжелаго; жаровъ небыло и, съ самаго выхода изъ Раима, мы пользовались умѣренно прохладной погодой; изрѣдка только выпадали дожди; но бѣдныя наши четвероногія сильно страдали отъ недостатка кормовыхъ травъ; лошади съ жадностью щипали даже полынь и обрывали полувысохшія вѣтви съ кустовъ. Осеннее, голодное время наступало быстро; намъ слѣдовало торопиться и поневолѣ идти двойными переходами.

Еще въ Кара-Кумахъ начали намъ встрѣчаться киргизскіе аулы; въ это время они обыкновенно перекочевываютъ въ южную часть степи и располагаются на зиму или въ пескахъ, или на Сырь-Дарьѣ.

Перекочевка—это праздникъ для киргизовъ: всѣ одѣты въ лучшіе наряды, лошади и верблюды убраны по парадному; впереди ѣдутъ обыкновенно старшины аула на лихихъ коняхъ, за ними рядъ верблюдовъ съ женами, дѣтьми и домашнимъ скарбомъ, далѣе такія же вереницы верблюдовъ съ другими семьями и пожитками, по сторонамъ огромныя стада барановъ, оберегаемыя зоркими всадниками. Вся эта пестрая, подвижная масса представляетъ картину не лишенную занимательности, но только издали. Не подъѣзжайте близко; эти угрюмыя, часто свирѣпыя лица мужчинъ и безобразныя, дикія фізіономіи женщинъ; эти пестрыя лохмотья, навіѣшенные безъ толку, все это сильно напомнитъ вамъ грязный цыганскій таборъ и наведетъ на грустныя мысли о такъ называемой, патріархальной жизни номадовъ.

Съ первыхъ чиселъ Сентября, холода сдѣлались очень чувстви-

тельны; по ночамъ почти всегда замерзало; днемъ же холодный вѣтеръ и дождь прохватывали насъ до костей.

Отъ Кара-Бутака, чрезъ который прошли мы 10-го Сентября, кормы пошли нѣсколько лучше, но дожди преслѣдовали почти до самой линіи. Дорога въ Орскую Крѣпость (до которой 180 верстъ) идетъ сперва по восточнымъ притокамъ рѣки Ори, потомъ (въ 80 верстахъ) переходитъ на лѣвый берегъ этой рѣки, вдоль котораго идетъ уже до самой линіи.

Сентября 16-го, въ десять часовъ утра, возвратились мы въ Орскую Крѣпость. Тутъ кончилось наше степное путешествіе, продолжавшееся около пяти мѣсяцовъ. Черезъ два дня я уже былъ въ Оренбургѣ.

Капитанъ-Лейтенантъ **Иванинцовъ.**

23 Апрѣля 1854 г.

Астрахань.
